

Журнал "Смена"

№11, ноябрь 1924

УДК 82-3
ББК 84
Ж92

Ж92 Журнал "Смена": №11, ноябрь 1924 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-458-46489-5

Журнал "Смена" - иллюстрированный гуманитарный журнал, с литературной направленностью. Был основан в 1924 году и был самым массовым журналом для молодежи в Советском Союзе. В начале 1990-х общий тираж журнала составил три миллиона экземпляров. "Смена" был основан решением ЦК РКСМ как журнал рабочей молодежи. Особенностью "Смены" всегда была литературная составляющая, часто премьерная публикация произведений была в этом журнале. Так, в первый же год издания был опубликован отрывок из повести Серафимовича "Железный поток". В разные годы в журнале печатались К. Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Исаак Бабель, Алексей Толстой. После войны журнал вышел за рамки молодежной аудитории и стал популярен еще больше. В журнале "Смена" состоялась литературная премьера Станислава Лемма - впервые на русском языке был опубликован его рассказ "Проверка лояльности". В семидесятые журнал "Смена" стал журналом в котором впервые был напечатан Кир Булычев.

ISBN 978-5-458-46489-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Центральное Государственное
Фото-Кино-предприятие Н.К.П. **ГОСКИНО**

МОСКВА, Гнездниковский пер., Телеф. 94-85, 2-20-29, 2-01-42.

**КАРТИНЫ СОБСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
ВЫПУЩЕНЫ:**

В Р А Г И.

Бытовая драма в 7-ми частях по сценарию ТАРИЧА.
и АЙЗИКОВИЧА. Постановка Ч. Г. САБИНСКОГО.
Оператор РЫЛЛО.

К И Н О - Г Л А З

(Первая серия).

Первое путешествие кино-глаза. Работа ГОСКИНО--
ячейки киноков под руководством ДЗИГИ ВЕРТОВА.
Оператор М. КАУФМАН.

Б л и ж а й ш и е в ы п у с к и:

ЛУЧ СМЕРТИ.

По сценарию ПУДОВ-
КИНА. Пост. А. В. КУ-
ЛИШОВА. Операт. ЛЕ-
ВИЦКИЙ.

С Т А Ч К И.

Работа Коллектива Про-
леткульта. Режиссер ЭЙ-
ЗЕНПЕЙН. Оператор
ТИССЕ.

ДОЛИНА СЛЕЗ.

(Алтайская легенда).
Постановка и фотография
А. Е. РАЗУМНОГО.

**СУД НАД АНУШЕРНОЙ
ЗАЙЦЕВОЙ.**

(Аборт и его последствия).
Научно-художеств. карти-
на. По сценарию доктора
ГАЛКИНА. Постановка и
фотография Г. М. ЛЕМ-
БЕРГА.

ГОНИМ ЗА САМОГОННОЙ

Кино-комедия по сцена-
рию РЕППИНА. Поста-
новка РООМА. Оператор
БЛЮМ.

ВЫПУСК СИВГОСКИНО.

КРАСНЫЙ ГАЗ. Из эпохи борьбы с колчаковщиной в Сибири и на Алтае. По сценарию ЗАЗУБРИНА. Постановка КЛАБУХИНА.
Оператор НАЛЕТНЫЙ.

Акционерное О-во

ТОРГОВЛИ ХЛЕБНЫМИ
и ДРУГИМИ С.-Х. ПРОДУКТАМИ

„ХЛЕБОПРОДУКТ“.

ПРАВЛЕНИЕ:

Москва, Б. Дмитровка, дом № 32-й.

Представительства во всех крупных центрах СССР.

Объединение Государственных Предприятий

≡ „ГОСПРОМЦВЕТМЕТ“ ≡

по ДОБЫЧЕ и ОБРАБОТКЕ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ.

ПРАВЛЕНИЕ в МОСКВЕ:
Ильинка, Юшнов пер., 4.

ОТДЕЛЕНИЯ:
в Москве, Ленинграде, Харькове,
Киеве, Ростове, н/Д. и Баку

Представительства во всех крупных центрах СССР.

ЗАВОДЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ВЫРАБАТЫВАЮТ:

Разные изделия из меди, латуни, алюминия, цинка и других цветных металлов.
ЛИСТЫЯ, ПРУТЬЯ, ЛЕНТЫ, ТРУБЫ и др. ПОСУДУ МЕДНУЮ и АЛЮМИНЕВУЮ.
ПРИМУСА, САМОВАРЫ, ЛАМПЫ, ГОРЕЛКИ, КЕРОСИНОВЫЕ ПЕЧИ и КУХНИ.

Предметы электротехнического оборудования:

КАБЕЛИ, ШНУРЫ, ПРОВОДА, и АРМАТУРА к ним. СЕТКИ БРОНЗОВЫЕ, МЕД-
НЫЕ и ЛАТУННЫЕ для всех видов промышленности.

ИЗДЕЛИЯ ПРЕМИРОВАНЫ на В.-СЕЛЬСКО-ХОЗ. и ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКЕ.

ЗНАЧКИ „КИМ“

в неограниченном количестве может получить каждая
организация РЛКСМ только

в базе изд-ва „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

Цены значков снижены:

1. Эмалевый—винтовой до 35 коп.
2. „ „ на булавке „ 30 „

Заказы высылаются наложенным платежом Торговым Сектором Изд-ва
МОСКВА, Старая пл., д. 10/4. Тел. 1-81-01.

ОБЪЯВЛЕНИЯ НЕ ВОШЕДШИЕ В НАСТОЯЩИЙ НОМЕР
==== БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ В СЛЕДУЮЩЕМ. ====

**БУДЬ ГОТОВ
К СЕЗОНУ!**

СПОРТ. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
ВСЕ ДЛЯ ОХОТЫ
И РЫБОЛОВСТВА.

МОДЕРН.

АВТОМОБИЛИ: АВТО-ЧАСТИ, ШИНЫ, КАМЕРЫ.
ГРАНДИОЗНЫЙ ВЫБОР СПОРТ — ШЕРСТЯНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
РУЖЬЯ, ДРОБЬ и ПОРОХ СУХОЙ.

НОВОСТИ! ВСЕГДА ЦЕНЫ СИЛЬНО Понижены.

**АВТОМОБИЛИ
ТРАКТОРЫ
МОТОЦИКЛЫ
ВЕЛАСИПЕДЫ
И ВСЕ ДЛЯ НИХ**

АВТОПРОМТОРГ

ПРАВЛЕНИЕ: Мочалов, Петровка, 4
Тел. 3-70-16
МОСК. ОТД. Народный р-н, 18,
Тел.: 1-19-81, 5-83-10, 1-16-79
ОТДЕЛЕНИЯ: Ленинград, Ленинск,
Ростов и др., Челябинск, Оренбург, Астрахань,
Воронеж, Смоленск, Омск и др.

■ ГОСМЕДТОРГПРОМ ■

**АПТЕЧНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТОВАРЫ,
ПАРФЮМЕРИЯ
И КОСМЕТИКА,
ОПТИКА,
ЗУБОВРАЧЕБНЫЕ И КИРУРГИЧЕСКИЕ
ПРЕДМЕТЫ.**

ПОКУПАЙТЕ в НАШИХ МАГАЗИНАХ:

Кузнецкий мост, 19.	Б. Грузинская, № 49. (Сенная площадь).
Арбат, 18.	Тверская, 38.
Смоленская ул., 2.	Столенн. пер., 9-15.
Мясницкая, 32, ул. Гусевникова пер.	Сретенка, 38. Арбатская пл., 2.

■ А П Т Е Н А — Петровка, 19. ■
■ ЗУБОВРАЧЕБН. МАГАЗИН ■
■ Петровка, 17. ■

■ ГОСМЕДТОРГПРОМ ■

КРАСНЫМ

**НОВОСТИ
НАУКИ И
ТЕХНИКИ
ХРОНИКА
МИРОВОЙ
ЖИЗНИ
СПОРТ
ЮМОР**

БОГАТЫЕ МАСТРА ЦИМАНТЕРАТУРА ИСКУССТВО

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ, ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ.

**ВЫХОДИТ В ОКТЯБРЕ
ИЗДАНИЕ "БУАКА"**

ЖУРНАЛ

„ГОСРЫБСИНДИКАТ“

СОЮЗНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СИНДИКАТ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Адрес: МОСКВА, Никольская, 4; телефоны: 2-74-90;
1-03-65 и 1-22-00.

Телеграфный адрес: „РББСИНДИКАТ“.

ОТДЕЛЕНИЯ и КОНТОРЫ ИМЕЮТСЯ:

в МОСКВЕ, ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ,
РОСТОВЕ и Д. НИЖНЕМ-ПОВГОРОДЕ,
КАЗАНИ, ПЕРМИ, ВОРОНЕЖЕ, СМО-
ЛЕНСКЕ, ОРЛЕ, КУРСКЕ и друг.

ПРОДАЕТ:

КРАСНЮЮ РЫБУ, МОРОЖЕННУЮ и СОЛЕННУЮ, ЧАСТИ-
НОВУЮ ВСЯНУЮ, СЕЛЬДЬ и ПУЗАНКИ: ИКРУ и БАЛЫК,
КЛЕЙ и ВЯЗИГУ, СУХИЕ и МОПЧЕНЫЕ СОРТА; ЖИРЫ
ТЮЛЕНЕЙ и РЫБИЙ.

В. С. Н. Х. — С. С. С. Р.

Орехово-Зуевский Госуд. Хлоп.-Бум. Трест.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Б. Трехзвонительский пер., д. № 1 Д.
Телефоны: Председателя Президиума 1-31-10
Члены Президиума 3-70-75
Общая 1-57-06

ВЫРАБАТЫВАЕТ и ПРОДАЕТ.

ТКАНИ: бельевые, обивочные, рубашечно-плательные и прочие;
дешевые, различные рисунки и набивки. Шпатель-
бархаты и прочие дорогие ткани. Шпальи, покрывала, по-
стельные, одежда и проч.
Пряжу хлопчатую и мушкетную. Шпальи швейные на катуш-
ках разных №№. — В а т у

МАГАЗИНЫ: 1) Охотный—Черкаский пер., 9. Телеф. 1-01-26.
в Москве 2) Розничный—Кузнецкий мост, 1. 1-13-11.
3) Розничный—Мякининский пер., д. № 13 Б. 1-01-22.
в Орехове 4) Охотный-Розничная—Ленинская улица.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КООПЕРАТИВ „КООПСАХ“ рабочих и служащих сахарной промышленности гор. Москвы

Ильинка, Юшков пер., дом № 6
Телефоны: УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ 5-99-59
ПРЕДПРАВЛЕНИЯ 1-80-65.

ПРОИЗВОДИТ ПРОДАЖУ сахара-рафинада и сахаров, как оптом,
так и в розницу ВСЕМ ПОТРЕБИТЕЛЯМ по ценам Сахаро-Треста.
ИМЕЕТ во всех районах города 12 оптово-розничных САНАТЕЙНО-
КОЛОНИАЛЬНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ МАГАЗИНОВ, снабженных
полной и ассортиментной товарами и один УНИВЕРСАЛЬНЫЙ магазин.

А ДРЕСА МАГАЗИНОВ:

Магаз. № 1 ул. Ильинка, д. 32 А.	Магаз. № 7 ул. Трехзвонительский пер., д. 1
№ 2 Суваренская ул., д. 16/18	№ 8 ул. Петровская, Митин
№ 3 Ступинская ул., д. 14	№ 9 Калужская ул., д. 32
№ 4 Воровский Путь, д. 29/22	№ 10 Тульская ул., д. 24
№ 5 Ленинский пр. д. 1/7	№ 11 Давыдовская ул., д. 24
№ 6 ул. Смоленского проспекта и Семной площади, д. 12	№ 12 Царское село, д. 17

Универсальный магазин Марослевская ул., 10

На всех рынках города имеются продуктыые палатки, снабженные ассортиментом товаров, необходимых для населения.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТРЕСТ ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ

Кузнецкий мост, 16. 3-й этаж, телефон 2-23-83

ГЕОДЕЗИЯ, ФИЗИКА, МЕДИЦИНА,
ОПТИКА, ХИМИЯ, БАКТЕРИОЛОГИЯ,
ЧАСЫ и ЧАСЫ-ХОДИКИ.

МАГАЗИНЫ:

№ 1 б. ЛЕУБА, Третьяковский пр., 9. телефон 1-23-09.

ЧАСЫ СТЕННЫЕ, КАРМАННЫЕ, БРАСЛЕТОМ, БУДИЛЬНИКИ, ХОДИКИ, ЧАСОВАЯ
ФУРНИТУРА и ИНСТРУМЕНТЫ.

№ 2 б. П. БУРЕ, Кузнецкий Мост, 1, телефон 35-69.

ОЧКИ, ПЕНСНЭ, БИНОКЛИ, ЛОРНЕТЫ, ЧАСЫ СТЕННЫЕ, КАРМАННЫЕ, БРАСЛЕ-
ТОМ и БУДИЛЬНИКИ.

№ 3 б. ТРЫНДИНА, Б. Лубянка, 13. телефон 4-83-08.

ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ, ФИЗИЧЕСКИЕ, МЕДИЦИНСКИЕ, ХИМИЧЕСКИЕ, МЕТЕОРОЛО-
ГИЧЕСКИЕ, ОПТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ и АППАРАТЫ.

Акц. О-во

„ОРГА-МЕТАЛЛ“

Москва, Мясницкая 13, телеф. 3-81-91.

ОБСЛЕДОВАНИЕ
и РЕОРГАНИЗАЦИЯ
ПРЕДПРИЯТИЙ
ТЯЖЕЛОЙ ИНДУСТРИИ.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ
СМАЗКА МЕХАНИЗМОВ

„ОРГА-СПРАВОЧНИК“

по вопросам заводских организаций.

„ОРГА-ИНФОРМАЦИЯ“

ЕЖЕМЕС. издание по учету контроля
и калькуляции.

УПРАВЛЕНИЕ

МОСКОВСКИМИ ГОСТИНИЦАМИ

Тел. 1-51-10 и 1-50-89.

ВНОВЬ ОТРЕМОНТИРОВАНЫ ВСЕ
ГОСТИНИЦЫ.
ЗАНОВО ОБОРУДОВАНЫ МЕБЕЛЬЮ
и БЕЛЬЕМ.

ИМЕЮТСЯ столовые и парикмахерские.

ТЕПЛО,

СУХО,

ЧИСТО.

ЦЕНЫ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ.

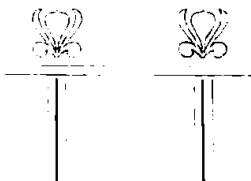
Адреса на перронах всех
московских и 18 крупных
провинциальных вокзалов.

Управление Московскими Гостиницами.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

„МОСПОЛИГРАФ“

МОСКВА. Кузнецкий Мост, 20. Телефон 46-34. 1-74-35

В Д Л Я Ш К О Л,
С Ч Е Р Ч Е Н И Я,
Е Р И С О В А Н И Я.

Краски, палитры, тушь, миллиметровая бумага, клочки, карандаши.
Разноцветные карандаши. ● Готовальни, угольники, резинки.

СВОБЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО.
ЗАГРАНИЧНЫЕ ТОВАРЫ.

БУМАГА для печати, крашеная, ТЕТРАДИ, АЛЬБОМЫ.
мраморная и проч. ≡

Продажа оптом и в розницу. Допускается кредит.

ВСЕРОССИЙСКИЙ
МАХОРОЧНЫЙ СИНДИКАТ

П РА В Л Е Н И Е:

МОСКВА, Ильинка, Копков переулок, дом 6.

Телефоны { 1-59-35,
4-85-70,
1-25-64,
74-97.

ПРЕДЛАГАЕТ МАХОРКУ

из лучшего сырья, выработанную на Государственных махорочных фабриках РСФСР.

== ЗАКУПАЕТ ==

сырье табака махорки во всех Табаководных Районах Великодержавии и Украины.

В состав синдиката входят следующие фабрики:

Ярославская. Костромская. Витебская. Елецкая.
Сиротковская. Моршанская. Раменбургская. Усманская.

За высокие качества изделий на Всесоюзной Сельско Хозяйственной Выставке Фабрики получили дипломы 1, 2 и 3 степени.

П РА В Л Е Н И Е

Моск.-Казанской ж. д.

ДОВОДИТ ДО ВСЕОБЩЕГО СВЕДЕНИЯ,]

что в настоящее время на железной дороге функционируют следующие городские станции:

В МОСКВЕ: 1) Ильинка, Рыбинск пер., Старо-Гостицкий Двор, №№ 52-54 тел. № 1-36-20 (для грузовых операций); 2) Мясницкая улица, д. 2/1 (для пассажирских операций, по продаже билетов и плакатов тел. № 1-87-51 и 3) Рашищевская, д. 5 Таганское отг.

В КАЗАНИ: Вокзальная площадь, здание Московско-Казанской ж. д.

В УЛЬЯНОВСКЕ: Угол Гончаровской и Кирвешной ул., д. 2-39.

В РЯЗАНИ: Ул. Красной Армии, д. Чукова №71.

В ИЛ-НОВОГОРОДЕ: Рождественская ул., д. № 16.

В САРАНУЛЕ: Красноармейская ул., угол Коммунальной дом. № 81.

Онаменные городские станции производят предварительную продажу пассажирских билетов и плакатов и грузовые операции по приему и отправлению по жел. дорогам багажа и грузов, хранение, страхованию и доставке грузов на склады получателей.

„ДУГАЗ“

Центр. Упр. Гос. Автомобильных Заводов.
Москва, Мясницкая, 20; тел. 3-89-05.

ПРОИЗВОДСТВО

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗ РУССК. МАТЕРИАЛОВ.

АВТОМОБИЛЕЙ

ГРУЗОВЫХ - РАЗН. ТОННАЖА И ЛЕГКОВЫХ.

Розничный магазин. Петровка, 15; тел. 1-86-17.

Автономная Индустриальная Колония

„КУЗБАСС“

В Сибири-Кемерово объединяет 27 национальностей революционных рабочих, прибывших в Сибирь для восстановления тяжелой индустрии СССР, производит уголь кокс и химические продукты.

В С П Х. Ц Е Н Т Р А Л Ъ Н Ы Й Р С Ф С Р.

ФАРФОРТРЕСТ

объединяет фарфоровые фабрики б. Т-ва Кузнецова.

П РА В Л Е Н И Е: Москва, Б.-Златоустинский пер., 2.
Телефоны: 2-17-05, 46-63, 1-42-31, 4 81-65.

Коммерческий отдел: тел. 46-03.

Отделения: в Москве, Солянка, 9, в Самаре, Кооперативная, 58 и в Твери.

Телеграфный адрес: „Фарфоротрест“.

Н. К. П.

Государственный Музыкальный Трест
„МУЗПРЕД“

Москва, Кузнецкий пер., тел.: 2-05-70, 2-72-02.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР

а) Рольей, пианино лучших русских и заграничных фирм держанных и новых с рассрочкой платежа до 18 месяцев.

б) Граммофонов и пластинок художественного и революционного репертура с речами вождей Революции ЛЕНИНА, ТРОЦКОГО и др.

в) Мелких муз. инструментов (народных) и принадлежностей к ним.

ГОСУЧРЕЖДЕНИЯМ ЛЬГОТНЫЕ УСЛОВИЯ.

РЕДАКЦИЯ и АДРЕС:

Москва, Старая Плясаль, д. 10—А.

Тел. 1-89-18 и 1-81-01.

Рукопись принимается написанная на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО и МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.
Имя „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА
на 1924 год.

1 месяц 80 коп.
3 месяца 1 р. 35 коп.

Подписка принимается в конторе „Смены“
и во всех почтово-телеграфных конторах
СССР.

№ 17

7 НОЯБРЯ

1924 г.

ОКТАБРЬ В ГОСПИТАЛЕ.

И. РУДНЕВ-РАЗИН.

25 ОКТАБРЯ „граждане“ России, чиновники, буржуазия и духовенство должны были, согласно календарному расписанию, праздновать святых Маркиана, Мардария и преподобного Аполлинария.

Миллионы человеческих рук, срывая в этот день скромный календарный листок „25 октября“, не предполагали, что с него начинается новое в жизни всего человечества.

Зато это твердо знал Владимир Ильич. В это крепко верило племя большевиков.

САМОЕ СЛОВО „Октябрь“ стало знаменем. Октябрь—это победа. Октябрь—это молодость. Октябрь—это жизнь. Доподлинная, крепкая жизнь.

Октябрится наша молодая страна. Октябрится „октябrevичами и октябринами“, октябрится комсомольцами и комсомолками, пионерами, юнкорами, журналами, газетами...

Но знают ли миллионы, празднующие гедовщину Октября, историю того, как семь лет назад рабочие и солдаты ворочали неуклюжую замитингованную теплушку „Рассею“. Сдвигали ее осенними ночами на новые ильичевские пути?

Пусть не все еще это знают. Узнают.

Важно то, что с каждым днем растут и крепнут побег Октября. Уходя глубоко корнями в советскую землю.

ШУМНО И ВЕСЕЛО празднуют Октябрь в комсомольских клубах.

Но кто видал, как празднуют Октябрь инвалиды? Люди, переживающие острую физическую боль,—когда казалось бы есть место одной лишь неразмышанной тоске?

Я видел.

Это было осенью 19 года. Шли бои на Юго-Восточном фронте за низовья Волги. Канун октября застал меня в небольшом уездном городишке Балакове,—в стенах военного госпиталя. Там лежала партия тяжело раненых в недавних боях,—ожидавших эвакуации в более глубокий тыл.

В большой палате, состоявшей из 23 коек, лежали раненые красноармейцы.

На маленьких столиках лежали Октябрьские подарки в виде нескольких конвертов и стихов „Демьяна Бедного“. На лицах было ожидание. Отдельные стоны заглушались этим напряженным, упорным ожиданием. Ждали оратора. С забинтованными ногами, контуженными головами,—они ждали оратора.

Оратор не пришел. Подив никого не прислал.

— Братишка,—обратился к соседу

стоящего на кровати с забинтованными рукой и плечом молодого красноармейца с бледным лицом рабочего подростка. В отдельных местах белой марли виднелись пятна крови. Лицо болезненно подергивалось,—а у серых больших глаз в комочек собирались желтые складки лица.

Говорил не долго. Говорил о том, о чем говорят на всех красноармейских митингах. Твердо запомнилось то, как радостно блестели глаза у всех, как внимательно слушали давно известные слова.

Из-под заскорузлых душ поднималась крепкая радость навстречу простым, необтесанным словам оратора о том, что

... — ихнему буржуазному царствию больше не бывать. Неверно эта лавочка стала рабочему и христьянскому лую.

БЫЛО СКВЕРНО в Балаковском лазарете. Много ругались издерганые, больные и раненые красноармейцы. Но сейчас были далеки от всего. Вливались в слова говорившего.

Трудно было сразу осмыслить все то, что происходило вокруг: трибуна — койка, оратор — тяжело раненый красноармеец, слушатели — комья искромсанного человеческого мяса, перевязанного сотнями аршин марли. А над всем радость. Детская, хорошая, простая радость. Не перевязанная марлей. Сияющая глубокая радость.

ПУСТЬ „ОКТАБРЬ“ для наших врагов будет вдвойне осенью,—пусть их гложет тоска.

Для нас Октябрь,—это радость.

Заражающая, сильная, невысказанная радость.

Непримиримый воинствующий большевизм—знамя грядущего мирового Октября!

бородач с рыжей, кудлатой головой,—надо бы маленько побалакать. Фронтных поди во-как разбирает. В песенку...

Сосед не успел ответить, как с одной койки справа сполз барахтающийся в дрожи голос:

— Дозвольте мне, братва, за у всех высказаться. Я, контуженный только в плечо и руку,—потому в силах подняться до всего общества.

Через несколько секунд я увидел

АКИМКА.

А. ЯКОВЛЕВ, иллюстрация М. ЯГУЖИНСКОГО.

Возвонанный, он забрался на крыльцо Охотнойрядской часовни, чтобы оттуда подальше видеть...

...АКИМКА, сдвинув шапку на затылок, шел смело, с самым решительным видом. Когда проезжали автомобили с солдатами, он кричал „ура“, срывал с головы свою обгрепленную шапку и отчаянно ее махал. Туго подпоясанный ремнем, подтянутый, взволнованный, он будто шлеп в толпе: так легко ему было идти.

И толпа, и улицы, и эти крики „ура“, и сам он—все это было таким новым, и все так изменилось к лучшему, что Акимке хотелось петь и смеяться от радости, хотелось сорвать винтовку и долго стрелять в воздух. Мимолетная встреча с товарищем Василием Петряевым на Страстной площади не оставила в его душе никакого следа. Только, когда он отошел далеко, то подумал:

— А, ведь, он Акимке скажет, что видел меня.

На миговские стало неприятно, но потом он махнул рукой.

— Э, все равно...

Вооруженные солдаты и рабочие собирались на Скобелевской¹⁾ площади в доме генерал-губернатора—старом, желтом, со строгим полицейским фасадом. Здесь был главный революционный штаб. Часть солдат и рабочих с винтовками в руках пролезла в узкую дверь и заполняла чопорные комнаты, червосерой массой толкались в белой зале и на широкой, с золочеными перилами, лестнице громко разговаривая.

Акимка впервые был в этом большом, прежде таком таинственном, доме, где всегда жили только князья, графы и очень важные генералы. Он с восторгом удивлением смотрел на высокие лепные потолки, на зеркала во всю стену, на белые кововы огромного зала и с гордостью думал:

— Наша взяла...

И радовался, что теперь будет о чем рассказать матери.

¹⁾ Ныне—Советской. В б. доме генерал-губернатора, теперь—Моссовет.

...Рабочие были все незнакомые. Акимке хотелось поговорить с ними, расспросить, как и что здесь, где враги сидят, но он робел. Желание выстрелить из винтовки захватило его с особой силой. Однако, здесь никто не стрелял, а один стрелять Акимка не решался: вдруг заругают.

— А откуда стрелять нельзя?—спросил, вакопец, Анимка у солдата.

— В кого же ты тут будешь стрелять. Тут не в кого. Иди вон на тот угол,—угрюмо ответил высокий солдат в серой шапке, глубоко вдавленной на уши.

— А опасно идти туда?

— Ты попробуй,—криво усмехнувшись, посоветовал солдат, а потом, помолчал, вдруг сказал: — Айда ка, товарищ, вместе. Я вперед, а ты за мной. Вместе-то веселее. Только берегись, брат. Стрелять будут, брыкайся на землю.

У Анимки забилось сердце и по спине побежали мурашки, но он храбро ответил:

— Что-ж, идем.

— Зря вы лезете туда, лениво сказал кто-то позади.

— Ну, вот еще, скажет тоже,—сердцато отозвался солдат.—Идем.

Он глубоко вдавил шапку, поправил винтовку, подтянулся и быстро побежал вдоль стен по тротуару, низко пригибаясь к бегу. Акимка побежал за ним. Один дом пробежали, другой. Где-то шелкнул выстрел, и окошко над головой солдата печально звякнуло. Солдат прыжками бросился к крыльцу аптеки и здесь присел. Акимка, точно подкинутый пружиной, метнулся за солдатом и присел рядом с ним. Солдат тяжело дышал.

— Откуда это?—тревожно спросил Акимка.

— Что откуда?

— Стреляют-то?

— А чорт их знает. Должно, откуда-нибудь с крыши.

— А, ведь, могут убить,—испуганно сказал Анимка.

Солдат мельком взглянул на парня, и в этот момент Анимка заметил, что солдат дрожит, как в о-нобе, лицо позеленело, а глаза страшно расширились и посветлели. Стало жутко. Едва разжмая челюсти, солдат сказал:

— Убить, конечно, могут. Это уж, как пить дать. Того и гляди.

Оба, крепко прижавшись к камням крыльца, сидели минут пять.

Между тем, стрельба стихла. Не стреляли даже в Охотном. Солдат поднялся на ноги и осторожно начал осматривать крыши домов, а потом прыжком, словно его кто рывнул, выскочил из-за крыльца и побежал через улицу на тот угол, где стояли рабочие. Акимка не помнил себя, не сознавая, что делает, побежал тоже. Откуда-то сверху нервно и беспорядочно затрещали выстрелы... Вокруг зашелкало... Солдат, бежавший вперед, деловито споткнулся и грохнулся на мостовую. Винтовка с жалобным дребезжающим упала на камки. Акимка успел заметить, что солдат крепко ударился головой о камки! Его серая шапка отлетела далеко вперед.

— А... Скорей, скорей!—кричали с угла.

Акимка пробежал улицу, спрятался за угол в толпу и уже только тогда оглянулся. Солдат лежал все там же, где упал, а кругом него, по камням мостовой, шелкали пули и подскакивали изредка кусочки земли, подвнятые ими.

— Готов, убили,—отрывисто говорили солдаты, стоявшие за углом.—Нужно было лезть чертам...

... — Эх, крови-то сколько,—сказал сумрачно рабочий в темной, сильно потертой кожаной куртке и с рыжим теплым шарфом на шее.

— А откуда это били?

— Должно, с крыши, с гостиницы. Там из тьмы засела.

— А може, от Воскресенских ворот?

— Нет, это с крыши,—подтвердил Акимка.— Я видел, когда бежал сюда: с крыши.

Все с любопытством посмотрели на него. Парень-то ведь случайно не лежит рядом с мертвым солдатом.

— Бу-ух,—вдруг ахнуло за домами и сразу резко свистнуло где-то около.

Акимка присел от неожиданности. Он увидел, как обвалился, будто плеснулся на мостовую, угол красного дома. Солдаты и рабочие, а ведь за ними и Анимка, кучей бросились бежать от угла по переулку, не понимая, что случилось. Но потом задерживались, останавливались по одному.

— Из пушек бьют,—крикнули с противоположного угла.—Держись, товарищ!

— Бу-ух,—опять ахнул выстрел.

Солдаты, стоявшие рядом, закричали

— Наступают! Идут!

И бросились убежать по переулку. Анимка бежал последним. Едва он повернулся и увидел, что все, сломя голову, бегут, как острый страх мурашками прокатился по его спине. Выстрелы позади сразу стали резкими пугающими и, казалось, вот-вот кто-то подскочит сзади, выстрелит, убьет. Анимка втянул голову в плечи, бежал, согнувшись, бессознательно, стараясь перегибать колено-вицудь, чтобы тот, другой, был последним, а не он, Анимка; чтобы не в него, а в другого попала пуля... Так он забежал вслед за другими в какой-то арочный двор, и вдруг чье-то искаженное лицо с кричащим ртом в винтовкой наперевес.

— Стой. Вонки, чорт вас... Назад! Убью!

Анимка оторопел. Прямо на него бежал матрос.

— Назад!

Все остановилось ошеломленно.

Хрипло ругаясь, матрос бросился назад по двору, в переулок и дальше к углу Тверской. Анимка загорелся. Ему в миг стало стыдно, что они убегают от каких-то юнкеров и студентов. Он побежал вслед за матросом. Он весь горел от возбуждения, набегу зарямал винтовку, дрожал так, что шелкали зубы. Он хотел перегибать матроса, но тот бежал быстро, делая почти саженные прыжки. Вот матрос добежал до угла, прыжком выскочил на мостовую и, стоя открыто, во весь рост, выстрелил. Анимка подбежал к матросу. На углу Охотного ряда в Тверской совсем недалеко металась испуганная лядя. Акимка подглядел

винтовку к плечу и выстрелил. Улицы, площадь и все вдали в мигнет обезлюдею. Не было видно никого. А матрос и Акимка стреляли торопливо, не целясь, ничего не слушая. Матрос вдруг закачался и уронил винтовку. Акимка испуганно посмотрел на него. Тот захлебываясь, широко открыл рот и гром ловил воздух, а потом, сделав два шага к углу, упал на тротуар щекой в грязь и судорожно задержался. Акимка отскочил за угол.

— Убили. И этого убили!—резко закричал он солдатам и рабочим, бежавшим к нему по переулку.—Убили.

Те разом остановились, переглядываясь.

— Идите сюда,—звал Акимка.—Убили его.

Все столпились на самом углу, хмурились. Матрос лежал на боку, лицом к переулку, беспомощно разбросав ноги и руки. И тут только Акимка успел рассмотреть его. Молодой, с маленькими черными усиками, волосы скобкой. Из открытого рта текла струйка темной крови; виднелись зубы, покрытые пузырчатой красной слюной; и рот казался страшным, до смерти пугающим. Глаза были полупоткрыты, и в них виднелись невыжившие слезы. И все лицо было внапряжено: словно матрос хотел вздохнуть полной грудью:

— Ох-ох...

И не мог.

— Вот что делают буржуи проклятые,—зловеще бросил рабочий.

Другой подхватил:

— Душить всех подряд надо...

Все хмурились, лица у всех посерели, исказились. Только Акимка смотрел на всех беззаботно, с удивлением.

... Вдруг в тишине ухо поймало глухое шипение в фырк.

— Стой, ребята, кажись, автомобиль,—встренулся юркий солдат и, взяв винтовку на перевес, поспешно подошел к самому углу и украдкой выглянул туда, и Охотному.

Все стали прислушиваться. Шум становился тише.

— Верно, автомобиль. А ну-ка поглядим...

И все сразу оживились, сгрудились на самом углу, приготовили винтовки.

Из-за угла Охотного вышел грузовой автомобиль, на котором, стоя и сидя, ехали вооруженные люди в синих и серых шинелях. Винтовки беспорядочно торчали во все стороны. Получая взаза винтовки, головы, руки, синие и серые шинели—точно цветы. Он полз к другому углу, хотел скрыться.

Акимка, рабочие и солдаты торопливо, выседа один на другого, присланивались, залпом выстрелили в него. Автомобиль дернулся и остановился; из машины брызнула белая струя; на нем судорожно заметались люди.

— А-а-а... торжественно заревел нечеловеческий голос рядом с Акимкой.

Акимка видел, как там люди клубками падали на мостовую, на дно автомобиля, судорожно металась, стараясь прятаться за колеса и за борты; видел, как летели щепки, отбитые от деревянных бортов автомобиля, и острая неиспытанная радость душила его.

— Бей их! Дупи! орал здесь, около.

— Бей!—орал Акимка, уже не сознавая и не чувствуя себя, и стрелял без передышки, едва успевая задержать.

— Прошла, может быть, минута, автомобиль стоял разбитый, и никто уже не шевелился ни на нем, ни около него.

С любопытством смотрели на автомобиль...

— Тррах!

Это на дальнем углу выстреляли. И сразу на всех лицах мелькнуло упорство и напряженность. Все торопливо зашлепали затворами, зашвырялись к углу подошел солдат с черной острой бородкой. Он сказал отрывисто:

— Сейчас наступление, товарищи, готовься.

— Наступление,—повторил про себя Акимка,— наступление...

Под ложечкой у него задрожало. Он заорал туда-сюда, искал места, где бы встать, так как думал, что в наступление обязательно идти рядами.

— Наши обходят дворами. Как начнется стрельба...

Солдат не договорил: там, на углу, сразу закинула стрельба. Солдат метнулся, крикнул: «за мной!» и, не оглядываясь, побегал тротуаром к Охотному. Акимка заревел «ура!»—и за ним. И враз перегалял. Один впереди всех, сломя голову, бежал, а на встречу ему неслось горячее—может быть, воздух, может быть, пули,—и ветер визжала в ушах.

Оставовившись он только на углу, у красного дома, и видел, как вниз по Моховой бежали синие и серые шинели, и три раза успел выстрелить им вслед. Взволнованный и торжествующий, он взобрался на крыльцо охотничьей часовни, чтобы оттуда лучше и подальше видеть. Охотный ряд. Центральная площадь и улицы—все было пусто. Из-за лавочек начали выползать люди—большие

мальчишки и темной массой затолпились на углах. Они с любопытством, точно не диковину, смотрели на солдат и рабочих, рассматривали расстрелянный и залитый кровью автомобиль, стоявший на перекрестке. Мальчишки отдирали щепки от бортов, собирали гильзы патронов. Потом толпа смешалась с вооруженными солдатами и рабочими. Три мальчугана, лет по десяти, остоновились перед Акимкой и с завистью смотрели на него.

— Дай пострелять?—попросил один.

Акимку жестоко оскорбила такая просьба.

— Уйди,—грозно крикнул он на мальчугана и, прислонившись к каменному парапету часовни и держа винтовку на перевес, решительно и сердито закричал:

— Частые которые, расходишь. Стрелять буду.

И выстрелил вверх.

Толпа шараянулась. Даже солдаты и рабочие, что с винтовками, дрогнули и метнулись.

— Расходишь, расходишь,—раздались тревожные крики.

В одну минуту, словно кто смел толпу. Было видно, как перепуганные люди мечутся между лавками, прячутся. Солдаты и рабочие сгрудились около угла «Национальной» гостиницы. Акимка один остался на крыльце часовни. Кругом никого. Свои вой на углу, за разбитым автомобилем. Он вдруг сердцем почувствовал, что здесь-то он один. Стало страшно. Казалось, из-за часовни выскочит кто-то злой и убьет. Под шапкой у него шевельнулись волосы. Победив, он соскочил с крыльца и через дорогу, мимо автомобиля, бросился к углу, к рабочим. По дороге сплотился. Это еще больше усилило его страх.

— Держись!—смеясь крикнули на углу.

... — Кажись, сами себя напугали,—сказал чей-то насмешливый голос:—здесь никого нет.

— Есть,—отозвался Акимка.

— Где?

Акимка и сам не знал, где враги, но махнул рукой к углу Моховой,

— Там!

Он чувствовал, как тревога вдруг захватила его. Почему-то опять захотелось бросить винтовку и поскорее уйти домой, на Пресню, и теперь это чувство было настойчивее. Стало тоскливо, холодно, и по телу забегали мурашки.

Вдруг где-то близко, за углом, взнул резкий выстрел. Рабочие и солдаты шараянулись к стене. Акимка метнулся испуганно за ямки, стараясь спрятаться за кокониндубу.

Уйти бы отсюда,—с тоской думал он.

Выстрелы не повторялись. Рабочие и солдаты, стоявшие у стены, вздохнули свободнее, зашевелились.

Чтобы подбодрить себя, Акимка поднял винтовку и выстрелил вверх. Потом еще. За ним стали стрелять солдаты. Стреляли в окна соседних домов, и крыши, где, казалось, засел невидимый враг. И, стреляя, все опять вышли на угол, на перекресток. Акимка забрался на старое место, на крыльцо часовни, и оттуда стрелял в здание Национальной гостиницы, целился в окна, в которых висели прекрасные гардины, а в глубине виднелись блестящие люстры и темная пышная мебель. Выстрелы немного успокоили его, подбодрили. Он с наслаждением разбил пулями все фонари у крыльца гостиницы, сделанные из матового резного стекла, разбил графин, стоявший на столе, там внутри, перед окном.

Потом стрельба сама собой прекратилась. Стало помойнее. Но чувство неопределяемой тоски все оставалось Акимку. Он звал сердцем, что опасность где-то здесь близко, рядом. Но где? Стрельба шла все время где-то около

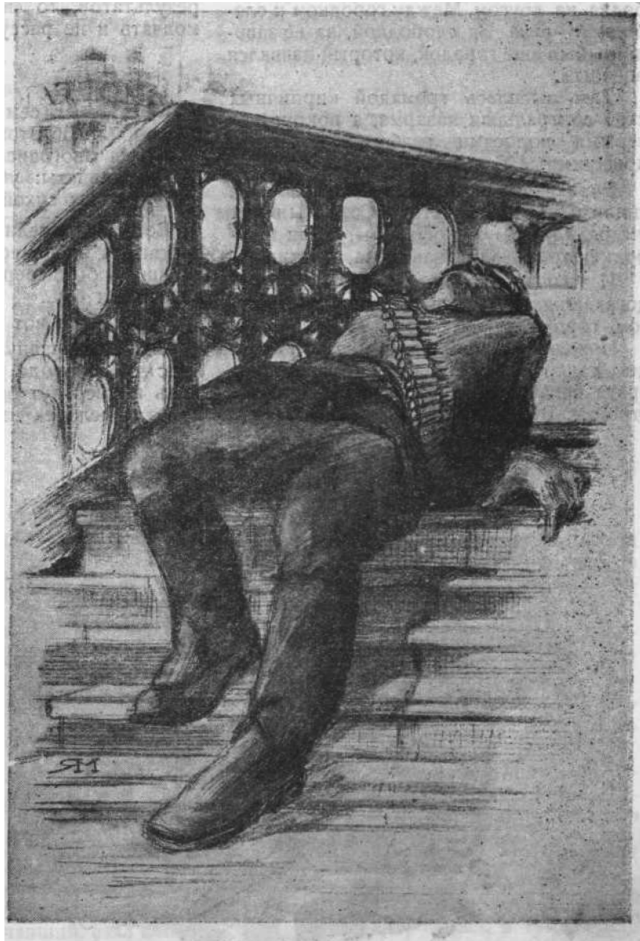
университета и у Кремля. Ни юнкеров, ни студентов не было видно.

Но Акимка, беспечно оглядываясь, все искал, откуда опасность, и не мог найти.

— Идут юнкера,—друг резко крикнул из-за часовни детский голос.

И в тот же момент кругом часовни и на улице грянули частые выстрелы. Толпа завывала, заматывалась. Мальчишки падали на землю, бежали, на четвереньках ползли к лавкам. Дрожа всем телом, Акимка попытался, приседа, пробегать к углу Тверской, но едва выбежал из-за часовни, как попал под выстрелы. Он увидел, что из ворот соседних домов поодиночке и группами бегут юнкера и студенты с винтовками на перевес и что на всех соседних крышах виднеются фигуры людей с винтовками. Акимка показало, что все, кто засел на крышах, целят прямо в него. Он метнулся назад, на крыльцо часовни, под защиту стены. На бегу юнкера и студенты в упор стреляли в солдат и рабочих. У самого угла часовни, на тротуаре, покрытых осенней скользкой плитой тротуара, уже лежало несколько человек, судорожно корчившихся и кричавших, а рядом с ними валялись брошенные винтовки. Несколько солдат плотно прижались к стенам часовни и стреляли в юнкеров. А те целью бежали прямо на них. Вот они вскопили на самое крыльцо, где судорожно металась растерявшаяся солдат, Акимка, будто в полудреме, видел, как юнкера штыками с размаха тыкали солдат, а те дико выли и кричали и руками пытались ловить штыки, или сами стреляли в юнкеров на расстоянии двух шагов.

Забыв, что можно стрелять и сопротивляться, Акимка прижался к стене и крепко уперся в холодные камни, словно хотел вдавиться в них. Широко открыл от ужаса глаза он смотрел на юнкеров, которые около него расстреливали мечущихся солдат и рабочих, и ждал, замерев. Два юнкера подбежали совсем близко. Один на бегу вскинул винтовку и прицелился в голову Акимки. Акимка ясно увидел его темные, грубые глаза. Блеснула яркая огонь. Но выстрела Акимка не услышал. Уронив винтовку, он нычком упал на каменные плиты крыльца.

Но выстрела Акимка не услышал.

С ТОЙ СТОРОНЫ.

ДЖОНС, иллюстрации С. ЯГУЖИНСКОГО.

Печатаемый нами рассказ молодого английского писателя тов. Джонса представляет большой интерес. В нем дано художественное изображение основного политического момента, без наличия которого, никогда не могла бы произойти Октябрьская революция. Это был тесный, крепкий союз рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели. О необходимости этого союза для окончательной победы над буржуазией в течение многих лет твердил Владимир Ильич. Как это осуществлялось в дни Октября,—ярко показывают рассказы тов. Джонса.

I.

ГОРОДОК делился на две части рекой. Река несудоходная, но в городской полосе глубокая, и для перехода через нее мост деревянный сооружен.

На той стороне реки, где берег был высоким, гористым и крутыми обрывами сбегал к реке, лежал собственно городок. На другой стороне—низменной и болотистой, сотнями серых деревянных домишек раскинулась рабочая слободка.

Слободка граничила с двумя заводами: сахарным и водочным, и все ее жители то или иное отношение к этим заводам имели.

Отношение это выражалось в двенадцатичасовом рабочем дне, удручающих штрафах и пьяной гульбе по воскресеньям.

Городок тоже имел отношение к водочному и сахарному, и отношение городка к ним выражалось в сытом ничегонеделании и пьяной гульбе все семь дней в неделю.

Итак, городок на одном берегу, слободка на другом. Между городком и слободкой—река. За слободкой, за ее заводами был еще городок, который назывался военным.

Там высилась громадой кирпичных стен центральная казарма, а вокруг нее серыми полосами разбегались низкие приземистые бараки.

Бараки эти стояли на самом болоте, гнили и пахли сыростью. Солдаты в них умирали, как мухи; офицеры, живя в городке, приезжали только на занятия.

И те и другие ругали инженеров, не догадавшихся устроить казармы на другом, городском, высоком и сухом берегу.

Инженеры, строившие военный городок, давно уже умерли от кутежей и разврата на деньги, награбленные при постройке. Будь они живы, то рассказали

бы кое-что о причинах, заставивших выехать для городка именно это, а не другое место.

Они могли бы рассказать о губернаторе, который сам размечал постройки на плане, они могли бы сообщить, что из центрального здания и из военной церкви возможен прекрасный обстрел ворот обоих заводов...

А, впрочем, зачем бы они стали все это рассказывать? Военные тайны разглашению не подлежат.

Со дня постройки казарм прошло много лет. Об удобствах обстрела ни разу вспоминать не приходилось—даже в 1905 году дело обошлось сравнительно мирно—и городок, и слободка, и казармы равно не понимали, на какого дьявола запрятали солдат в болото и кому понадобилось заставить господ офицеров три версты на службу кисель хлебать?

Но вопрос о переводе военного городка на гористую сторону как-то не поднимался. То ли по лени, то ли по безнадежности добиться какихнибудь результатов, то ли по военной привычке молчать и не рассуждать.

II.

В ФЕВРАЛЕ семнадцатого года заговорили об этом впервые.

На многочисленных митингах требовали солдаты: убраться их с болота и перелезти на сухой гористый берег.

Вопрос провели по всем инстанциям, поставили на повестку дня в исполкоме и решили бы, наверняка, в пользу, перевода, если бы...

Дело было вот как.

Вечером накануне того дня, когда вопрос о переводе казарм должен был быть подвергнут обсуждению, в городок приехал человек из центра.

Человек этот именовал себя комиссаром временного правительства, действовал быстро, напористо, много и красиво говорил.

Когда по приеме дел он ознакомился с постановкой вопроса о казармах, то весь побагровел от злости.

— Секретарь!..

Секретарь выслушал довольно странное распоряжение. Ему приказали срочно и совершенно секретно к часу ночи созвать господ офицеров гарнизона и военного городка для обсуждения вопроса чрезвычайной важности.

К часу ночи помещение офицерского собрания было битком набито.

Комиссар временного правительства, развесив на стене огромный план города, сердито тыкал пальцем в то место, где линией ровных улиц лежала слободка и говорил.

Офицеры слушали, широко открыв глаза, и хлопали себя по лбу. Только теперь им ясно стало, почему казармы разместили свои серые ряды на топи болота, как раз за слободкой.

Комиссар был человеком военным и в его речи вежами мыслей маячили слова: тыл, фланг, район обстрела, защита подступов.

И еще Комиссар был человеком политики. И от него впервые услышали офицеры о том, что заставило их с испугом всматриваться в лица соседей, и расходясь по домам, нащупывать в карманах рукоятки „наганов“.

На следующий день утром, идя на занятия в казармы и проходя по серым от пыли улицам слободки, по новому разглядывали они окошки покосившихся домиков, по иному путались глазами в морщинах лиц встречных рабочих.

Всегда обычная и совсем не страшная слободка стала сегодня таинственным гнездом грядущих восстаний. Чуть-

Заседание исполнительного комитета было исключительно бурным...